

ГИПОТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИСТИННОСТИ

О.Г. Шевченко

Новосибирский государственный
технический университет

olga-ivleva@yandex.ru

В статье обозначаются подходы к определению истинности научных теорий и выявляются возможные способы определения истинности гипотетического знания. Обоснована применимость гипотетического знания в научном дискурсе и выявлена составляющая этого знания, раскрывающая возможность его применения как истинностного знания.

Ключевые слова: научные теории, гипотетическое знание, истинность научного знания.

Вопросы построения научных теорий постоянно привлекают внимание ученых. Фундаментальные исследования философов науки предлагают различные концепции построения научных теорий, но все они подвергаются постоянной критике со стороны научного мира. К сожалению, ни одно исследование не может дать точного ответа, каким образом эффективно построить научную теорию и доказать свое мнение.

Так, К. Поппер критерием научности считает потенциальную фальсифицируемость теорий. Однако этот критерий вызывает неоднозначные отклики и не может быть принят как основной при разработке и принятии теорий. Методология исследовательских программ И. Лакатоса (научная теория включает инвариантное «твердое ядро» и подвижную изменчивую оболочку, состоящую из дополнительных гипотез) основана на понятии эквивалентности, а не истинности. Вследствие этого, по мнению

Б.Я. Пахомова, теория никого не побуждает искать новые знания и только совершенствует эффективность методов предсказаний¹.

Тем не менее общим для всех концепций, разрабатывающих методологию построения научных теорий, является утверждение о том, что научное знание носит гипотетический характер. Любая научная теория содержит подвижное звено, постоянно изменяющееся во времени, – это гипотезы, возникающие в результате пересмотра теоретических положений и появления новых фактов. По мнению исследователей, гипотезы опережают наблюдение и являются эффективным методом научного исследования (И. Лакатос, К. Поппер, Б.Я. Пахомов, Б.А. Яхонтов, А.П. Анохин, М.Н. Эпштейн).

В связи с таким положением дел все более актуальным становится изучение ги-

¹Пахомов Б.Я. Проблема индукции: Карл Поппер и Имре Лакатос // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 129.

потетического знания. Из-за гипотетичности, принимающей повсеместный характер в науке, возникает проблема истинности научного знания. Таким образом, возникает ряд вопросов, требующих разъяснения, а именно, каким образом относиться к гипотетическому знанию: может ли гипотеза стать элементом достоверного знания или она функционирует только как предсказание, будучи неточным, непроверенным знанием? Кроме того, если признавать существующими реально ненаблюдаемые факты (входящие в структуру гипотезы), то каким образом соотносить их с результатами научного исследования, которые должны быть достоверными, а все научные послышки быть высказываниями о конкретных объектах и явлениях внешнего мира?

Более того, возникает вопрос о соотношении понятий «гипотетическое знание» и «знание» вообще. Эта проблема, как оказалось, характерна для науки. Так, Т. Кун смешивает знание и предположение. Существующие определения знания признают его неотъемлемыми характеристиками истинность, достоверность и надежность, но при реальном употреблении термина «знание» в философии науки эти характеристики считаются необязательными. Развитие науки предполагает не только получение новых знаний, но и их корректировку и даже опровержение. Противоречивое знание считается знанием, а непротиворечивость и истинность – одной из характеристик качества знания. Если знание вообще характеризуется непротиворечивостью, то гипотетическое знание обнаруживает противоречие в сложившейся системе знания, вырывает факт из привычного контекста и заставляет посмотреть на него с необычной точки зрения.

Главная цель познания – это достижение истины. Метод предположений и опровержений, выработанный К. Поппером, идет по стратегии обработки проблем, на основе которых формируются гипотезы, затем анализируются новые факты, не согласующиеся с теорией, и снова формулируется проблема. Никогда нельзя сказать, что теория обоснована, а значит, истинна. Все больше и больше рассматривая теорию, мы добиваемся определенной степени правдоподобия. Как отмечает С.В. Пирожкова², у К. Поппера существует требование к росту правдоподобности: каждая новая гипотеза должна объяснять все предшествующие факты, а также новые факты, которые старая гипотеза объяснить не могла. Поэтому идея истины становится у К. Поппера регулятивной основой познания, а это, в свою очередь, помогает отделить науку от ненауки.

Однако мнение К. Поппера об истинности теорий подвергается жесткой критике. А.И. Уемов³, Б.Я. Пахомов⁴, ссылаясь на П. Дюэма и У. Куайна, считают, что теорию можно спасти от опровержений фактами путем введения дополнительных гипотез сколь угодно долго, а также выдвижение одного фактора в качестве демаркационного, отграничивающего науку от ненауки, недостаточно.

Исходя из вышесказанного, мы считаем целесообразным обратиться к другим концепциям истины и посмотреть, что еще

² Пирожкова С.В. Проблема научного предвидения в философии К. Поппера // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 160–177.

³ Уемов А.И. Критика принципа фальсификации К. Поппера и проблема системного подхода к демаркации научного знания [Текст] / А.И. Уемов // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 97.

⁴ Пахомов Б.Я. Проблема индукции: Карл Поппер и Имре Лакатос // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 127.

предлагается для верификации гипотетических идей.

Разнообразие отношений к истине весьма велико, равно как и разнообразие мнений по поводу характера гипотетического знания. Вообще, все возможные определения истины восходят к Аристотелю: «Говорить о сущем, что его нет, или не о сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное»⁵.

М.Е. Соболева⁶ отмечает, что задача любой концепции истины заключается в том, чтобы объяснить, каким образом формируются истинные высказывания. Все концепции истины трактуют ее как отношение – отношение высказываний к действительности. Здесь одна из известных теорий принадлежит Л. Витгенштейну.

Его теория основана на единообразии логической формы мира и языка. Это иллюстрируется на примере грамматического предложения. Чтобы предложение могло утверждать факт, должно быть что-то общее между структурой предложения и структурой факта⁷. М.С. Козлова, интерпретируя взгляды Л. Витгенштейна, говорит о том, что общее между ними – это логическая форма предложения, которая связывает материальную структуру знака с мысленным содержанием предложения и с отображаемым фактом. Логико-структурное подобие предложения и факта считается усло-

вием их сопоставимости. Поэтому можно говорить о наличии в предложении возможностей истинности. Понятие логического образа, который может быть истинным или ложным, и дает идею логической структуры осмысленного предложения⁸.

Согласно К. Лоренцу, истина – это рабочая гипотеза, способная проложить путь другим гипотезам, которые сумеют объяснить больше⁹. Речевое действие, дающее, по мнению К. Лоренца, базис для практического и теоретического знания, является основополагающим для решения проблемы истины, понимаемой как значимость высказываний.

Общеизвестна и концепция истины А. Тарского. Он расценивает истину как главную цель философии и предлагает теорию истины как соответствие фактам (или действительности). Теория истинна, если она соответствует фактам. Высказывание истинно, если и только если оно соответствует фактам. Но А. Тарский говорит о семантической замкнутости естественного языка, что означает, что запрещается использовать выражения для истинности предложений языка в самом этом языке. Если мы хотим говорить о соответствии высказывания факту, нам нужен метаязык, на котором мы можем высказать тот факт, о котором говорится в рассматриваемом высказывании (используя какое-то условное или описательное имя этого высказывания)¹⁰.

По мнению А.В. Бессонова, это противопоставляет теорию А. Тарского обычной

⁵ Аристотель Сочинения в 4-х томах, Т. 1. / Ред. В.Ф. Асмус, Академия наук СССР институт философии. – М.: Мысль, 1975. – С. 141

⁶ Соболева, М.Е. Истина: свойство, оператор, событие? // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 117.

⁷ Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн; перевод с нем. И. Добронравовым и Д. Лахути; общ. ред. и предисловие В.Ф. Асмуса. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – С. 12.

⁸ Козлова, М.С. Концепция знания в философии Л. Витгенштейна / автореферат дис. ... канд. филос. наук – Л., 1965. – С. 6.

⁹ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. – М., 1998. – 46.

¹⁰ Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход: Перевод с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 51–53.

практике использования понятия истинности на неформальном уровне даже в языке науки. Поэтому необходимо обращаться к логике, средствами которой предикат истины может быть непротиворечиво выражен внутри языка¹¹.

По мнению Р. Карнапа, исследуя форму утверждения, можно решить, называть ли его настоящим законом, если оно истинно. Важно ответить на вопрос, имеет ли утверждение форму настоящего закона? Исследуя форму утверждения, можно будет решить, называть ли его настоящим законом, если оно истинно? Вопрос об истинности закона в данном случае несущественен. Важно только указать, имеет ли утверждение форму закона¹². Однако этот вопрос трудноразрешим, т.к. языковые средства выражения многообразны и создают свои апории. Так, например, утверждение «На Марсе существует жизнь» имеет форму закона, а по сути это всего лишь предположение.

На самом деле, философы предпочитают говорить вместо «истина» «подтверждается в высокой степени». Р. Карнап строит свою систему на семантическом определении вероятности как степени подтвержденности одного высказывания другим. Он признает, что утверждения являются истинными благодаря знанию тех описательных терминов, которые встречаются в нем. Для истинного познания явлений и процессов требуется, чтобы наши суждения правиль-

но отображали специфические свойства и отношения исследуемых явлений и предметов. Правильность этого суждения проверяется наблюдениями и экспериментами. Но эмпирические данные могут с той или иной степени вероятности свидетельствовать об истинности гипотезы, т.е. они в какой-то степени подтверждают ее, но не доказывают полностью¹³. Однако Р. Карнап не считает возможным говорить о замене понятия истинности закона его вероятностью¹⁴.

Г. Рейхенбах также рассматривает истину как хорошо подтвержденное на основе известных свидетельств в различные периоды прошлого и настоящего¹⁵.

Истина – соответствие знания действительности, достоверность его содержания, фиксирующего предметное положение дел безотносительно к субъекту и существующему независимо от него в силу своей объективности¹⁶. Однако И. Кант признает, что признание чего-то истинным имеет место в рассудке и может иметь объективное основание, но требует также субъективных причин.

По мнению М.Е. Соболевой¹⁷, все теории истины рассматривают отношения языковой и внеязыковой действительностями, не уделяя должного внимания отношению к реальному миру. XX век внес определенную коррективу в исследовательский

¹³ Там же, с. 25–28.

¹⁴ Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. – М.: Наука Сибир. отд-е. Новосибирск, 1977. – С. 32, 48.

¹⁵ Карнап Р. Философское основание физики. Введение в философию науки, с. 285.

¹⁶ Ильин В.В. Природа науки. Гносеологический анализ / В.В. Ильин, А.Т. Калинин. – М.: Высшая школа, 1985. – С. 9.

¹⁷ Соболева М.Е. Истина: свойство, оператор, событие? // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 19.

¹¹ Бессонов А. В. Истинность как оператор и парадокс лжеца – 1997. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001071/st000.shtml>

¹² Карнап Р. Философское основание физики. Введение в философию науки: Пер. с англ. и комментарии док. филос. наук Г.И. Рузавина, общ. редакция док. филос. наук И.Б. Новика. Вступ. ст. И.Б. Новика и Г.И. Рузавина. – М.: Прогресс, 1971. – С. 281.

процесс, касающийся истины, а именно, истина стала рассматриваться как относящаяся к самому бытию. Однако непонятно, как истина становится доступна для человека. Теории действия внесли сюда свой вклад: в процессе деятельности человек соприкасается с истинным бытием внешних вещей, т.е. истиной как таковой. Истину говорят, когда говорят то, что знают из практики.

Рассмотрев даже незначительное количество теорий истины, можно сделать вывод о неоднозначности мнений по данной проблематике и о рассогласованности представлений по поводу одной из самых насущных задач философии – определения истинности научных теорий. Одна из попыток определить истину научных теорий легла в основу нашего исследования, а именно тот факт, что истина – это истина, которая имеет место во всех возможных мирах. Возможные миры и категория «возможного» являются, по нашему мнению, средствами, которые предоставляют возможность обсудить смысл и содержание понятий.

Научное знание имеет дело не с реальными объектами, а с анализом объективных возможностей событий. Гипотезы рассматривают такую реальность, которая представлена идеализированными объектами. Значит для того, чтобы объяснить насколько гипотеза подтверждается эмпирическими данными, необходим некий механизм. На наш взгляд, таким механизмом является категория возможного.

В пределах возможных миров осуществляется интерпретация объектов. Возможные миры отождествляются с мыслимым положением дел и поэтому сами мыслимые положения дел получают реальное содержание. Возможные миры нужны также для

уточнения понятия истинности высказывания. Каждому предложению сопоставляется подмножество возможных миров. Целью возможных миров является привести все предложения дискурса к единому полноценному пониманию.

Если рассматривать возможность как существующую реально, как вещь в себе, можно считать такую возможность предпосылкой новой деятельности. Старая деятельность начинает изменяться, появляются новые условия, совокупность которых и есть реальная возможность вещи. Возможное отражает и преломляет окружающий мир, порождая мир возможного. Возможный мир создается для взаимодействия с реальностью. Он показывает вектор возможных направлений развития событий.

Возможные миры способны выводить нас за пределы реальности, порождать объекты в гипотетических модальностях, специфицируя состояние дел в реальном мире, и быть сферами, в пределах которых осуществляется истинность высказываний. Гипотетические идеи, опережая действительность, все возможные сомнения и вопросы к ней, актуализируются в возможном мире и делают возможным то, что невозможно в нашем мире. Сомнения в истинности гипотетических идей только подтверждает их существование. Таким образом, гипотетические идеи приобретают истинностный статус, составляя основу нашего знания.

В каждой концепции истины есть определенная доля рационального, но и некая доля, не до конца объясняющая имеющиеся факты. Опираясь на рассмотренные концепции истины, а также на воззрения относительно гипотезы, мы пришли к следующим выводам:

Гипотеза, трактуемая в философии как вероятное предположение, которое не мо-

жет быть пока доказано, предлагает своему адресату определенные возможности и рассматривает их во всех возможных мирах. Эта гипотеза расширяет свои границы, будучи пропущенная через категорию возможного, в ходе чего выясняется вопрос об отношении содержания высказывания к явлениям действительности. Происходит оценка правильности или неправильности отражения объективной реальности или выяснение вопроса об истинности или ложности суждения. В связи с этим, гипотетическое предположение не является недоказанным знанием. Таким образом, гипотетические идеи приобретают истинностный статус.

Проблема реальности теоретических объектов из-за многообразных гипотетических конструкторов решается путем построения высказываний в многообразных возможных мирах, где мыслимое содержание идеи получает широкую трактовку и реальное содержание.

Литература

Аристотель. Сочинения в 4-х томах, Т. 1; ред. В.Ф. Асмус, Академия наук СССР, Институт философии. – М.: Мысль, 1975. – 550 с. – Философ. наследие.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн; перевод с нем. И. Добронравовым и Д. Лахути; общ. ред. и предисловие В.Ф. Асмуса. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 134 с.

Ильин В.В. Природа науки. Гносеологический анализ / В.В. Ильин, А.Т. Калинин. – М.: Высшая школа, 1985. – 228 с. *Карнан Р.* Философское основание физики. Введение в философию науки: Пер. с англ. и комментарии док. филос. наук Г.И. Рузавина, общ. редакция док. филос. наук И.Б. Новика. Вступ. ст. И.Б. Новика и Г.И. Рузавина. – М.: Прогресс, 1971. – 387 с.

Козлова М.С. Концепция знания в философии Л. Витгенштейна [Текст] / М.С. Козлова, автореферат дис. ... канд. филос. наук – Л., 1965. – 17 с.

Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М.: Республика, 1998. – 393 с. – Мыслители XX в.

Пахомов Б.Я. Проблема индукции: Карл Поппер и Имре Лакатос // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 123–133.

Пирожкова С.В. Проблема научного предвидения в философии К. Поппера // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 160–177.

Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход: Перевод с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.

Соболева М.Е. Истина: свойство, оператор, событие? // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 117–125. *Уемов А.И.* Критика принципа фальсификации К. Поппера и проблема системного подхода к демаркации научного знания // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 91–98.

Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. – М.: Наука Сибир. отд-е. Новосибирск, 1977. – 189 с.

Бессонов А.В. Истинность как оператор и парадокс лжеца – 1997. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001071/st000.shtml> – Загл. с экрана.